

Преодолеет ли Турция курдский барьер на пути в ЕС?

И.А. Сочнева

Сочнева Инна Алексеевна – аспирант отдела социальной и политической философии Института философии РАН; E-mail: inna165@rambler.ru

Ключевые слова: этнические меньшинства, курды в Турецкой Республике, ЕС, дискриминация, права человека.

Key words: Ethnic minorities, the Kurds in the Republic of Turkey, the EU, discrimination, human rights.

Статья посвящена анализу положения этнических меньшинств (курдов) в современной Турецкой Республике. Представлен обзор исторически сложившихся причин и форм их дискриминации, подробно освещены меры, предпринимаемые руководством страны для решения курдского вопроса, дается оценка их эффективности, в том числе с точки зрения самих этнических меньшинств. Отдельно выделены перспективы решения этой проблемы. Подчеркивается непосредственная взаимосвязь между решением курдского вопроса и полноправным членством Турции в ЕС. В этой связи особое внимание уделено роли Евросоюза, его влиянию на либерализацию ситуации с правами этнических меньшинств в Республике.

Проблемы, связанные с перспективами вступления Турции в Евросоюз, прежде всего заключаются в сложности и многокомпонентности вопроса о соответствии страны требованиям, предъявляемым ЕС. Именно серьезный разрыв между требованиями к странам – кандидатам на вступление и состоянием дел в экономической, политической, социальной сферах жизни Турецкой Республики обуславливает медленный темп переговоров с ЕС и туманность перспектив на скорое вступление. Турецким властям пока не удается добиться значительного успеха, более того, зачастую необходимые реформы чередуются со стагнацией или регрессом. К числу сфер, где достижение прогресса представляется наиболее болезненным, относится сфера обеспечения прав человека, в первую очередь, гарантия прав этнических меньшинств – курдов. Курдский вопрос, который всегда играл важную роль во внутривнутриполитической жизни Турции, в последние десятилетия стал международным – в частности, именно он чаще других становится камнем преткновения в переговорах с ЕС о вступлении. Евросоюз увязывает перспективу Турции на полноправное членство с устранением последней дискриминации курдского этнического меньшинства и предоставлением курдам возможностей для самореализации и полноправного участия в политической, экономической и культурной жизни страны. Главная причина, которая до сих пор не позволяет Турции выполнить соответствующие требования ЕС, кроется в том, что идеология национализма, положенная в основу Турецкой Республики в начале XX в., видит в моноэтничности залог территориальной целостности и государственной безопасности страны. Это приводит к тому, что возможность

образования на курдском языке или его официального употребления автоматически рассматривается как угроза выхода курдских провинций из состава Турции. Укоренившиеся и постоянно воспроизводимые политические и идеологические практики мешают как турецкому обществу, так и турецкому руководству трезво взглянуть на сложившуюся ситуацию в курдском вопросе и предпринять конкретные шаги для его решения.

Курды на сегодняшний день являются одним из наиболее древних народов Среднего Востока и крупнейшим в мире, не имеющим своего национального государства. Кроме Турции, курды проживают на территории Сирии, Ирана и Ирака. После окончания Первой мировой войны, в ходе Версальской мирной конференции впервые прозвучали обещания создать национальное курдское государство¹. Однако

¹ Турецкая Республика, провозглашенная 23 октября 1923 г., была создана на осколках Османской империи в результате национально-освободительной борьбы, возглавил которую Мустафа Кемаль (Ататюрк), ставшим первым президентом и находившийся у власти вплоть до самой смерти в 1938 г. Курс на вестернизацию, заданный Ататюрком, сохранялся на всем протяжении XX в. как в период правления созданной им Народно-республиканской партии – до 1950 г., так и при оппозиционных партиях. Особенностью турецкой политической и общественной жизни долгое время оставалось влияние военных, призванных защищать завещанные Ататюрком государственные принципы, в первую очередь, секуляризм. Так, пришедшая к власти в 1950 г. Демократическая партия была смещена в результате военного переворота 1960 г. Очередной переворот, приведший к серьезному ужесточению режима, запрету политических партий и усилению влияния военных, произошел в 1980 г. В 1990-е годы военные вновь вмешались в политический процесс и отстранили от власти правительство во главе с первым в новейшей турецкой истории происламским лидером

подписанный в 1923 г. Лозанский договор показал несостоятельность подобных заявлений [10, с. 133]. Тем не менее гипотетическая угроза создания независимого курдского государства, чреватая выходом из состава Турции восточных и юго-восточных районов, населенных преимущественно курдами, долгое время оказывала значительное влияние на формирование внутриполитического курса страны. Национализм, положенный М. Кемалем в основу проекта по созданию нового турецкого государства и нации, определил проведение жесткой политики ассимиляции по отношению к курдам на всем протяжении XX в. – использование курдского языка в школах, трансляция передач на радио и телевидении запрещалось; курдские книги, музыка, географические названия и даже имена также оказались под запретом [10, с. 135]. Подобная политика встречала сопротивление со стороны курдов, которые неоднократно поднимали восстания в 1920–1930-е годы, а после окончания Второй мировой войны и особенно после государственного переворота 1960 г., в результате которого политическая жизнь в стране оживилась, инициировали движение за свои права. Особенно активизировалось это движение в конце 1970 – начале 1980-х годов – в это время в стране нелегально и полулегально действовали такие политические организации, как Рабочая партия Курдистана, Национальные освободители Курдистана и др., издававшие на турецком и курдском языках газеты и журналы, рассматривавшие различные аспекты курдской проблемы [13, с. 304]. Подобная активность не могла не вызывать обеспокоенности в турецких правящих кругах, все так же уверенных в том, что предоставление культурных прав курдам неминуемо приведет к распаду Республики и полных решимости не допустить подобного сценария. Военный переворот 1980 г., приведший к власти генералов – защитников наследия Ататюрка, сыграл решающую роль в дальнейшем ужесточении политики по отношению к этническим меньшинствам. Именно генералы разработали текст новой Конституции, принятой в ходе проводившегося в условиях чрезвычайного положения референдума в ноябре

Н. Эрбаканом (1996–1997 гг.). Правящая с 2002 г. умеренно-исламистская Партия справедливости и развития также постоянно находится под угрозой закрытия Конституционным судом, а ее лидер Р. Эрдоган подвергался судебным преследованиям за декламацию стихов исламистского содержания. Несмотря на опасения отказа от светского пути развития, возможность которого кемалисты связывают с подобными силами, Партия справедливости и развития демонстрирует приверженность завещанным Ататюрком ценностям.

1982 г. Несмотря на внесенные впоследствии в текст Основного закона изменения, его базовые положения сохранились вплоть до настоящего времени. Вот как Конституция определяла положение и права курдов – ст. 66 гласит: «Каждый, кто связан узами гражданства с турецким государством, – турок»; ст. 42 гласит: «В общеобразовательных учебных заведениях никакой иной язык, кроме турецкого, не может преподаваться турецким гражданам в качестве родного языка»; ст. 28 ограничивает «распространение публикаций на каком бы то ни было запрещенном законом языке», более того, «при выражении и распространении мыслей не может быть применен запрещенный законом язык» (ст. 26) [18; 12, с. 294–369]. Таким образом, не только ограничивались основные права этнических меньшинств, но в принципе отрицалось их существование, несмотря на то что численность курдов, проживающих в Турции, составляет, по разным оценкам, от 15 до 20 млн человек – до четверти населения страны [10, с. 133; 6, с. 58].

Ответной реакцией стало появление сепаратистского движения курдов и начало вооруженного противостояния между правительственными силами и курдскими повстанцами. Повстанцев возглавила Рабочая партия Курдистана (РПК), впервые политизировавшая курдское движение в целях объединения всех курдов. С 1983 г. РПК начала партизанскую деятельность в восточных и юго-восточных областях Турции – основном районе компактного проживания курдов, – продолжающуюся и по сей день. Леворадикальная РПК требует полной независимости курдов, т.е. выступает за создание независимого от Турции курдского государства, а также за последующее объединение всех курдов, проживающих в Иране, Ираке и Сирии в суверенное государство Курдистан [10, с. 133–134]. Несмотря на то что большинство турецких курдов не поддерживают как столь радикальные идеи, так и тактику вооруженной борьбы, РПК и ее деятельность до сих пор находят сочувствие, что позволяет ей продолжать активную партизанскую кампанию.

Анкара, считающая Рабочую партию Курдистана террористической организацией и добившаяся от США внесения ее в список террористических организаций, отвергает возможность переговоров с руководством повстанцев. При этом основная роль в решении проблемы партизанского движения и курдского вопроса в целом отводится именно силовым методам (в сочетании с мерами экономической поддержки региона) –

например, премьер-министр Турции Б. Улусу в 1980-х годах заявлял: «Наша армия всеми силами будет бороться против сепаратистов и подавит их». Показательны в этом плане и слова генерала К. Эврена, ставшего во главе страны после переворота 1980 г.: «Они [курды] ничего не смогут получить от нас. Мы сделаем все, чтобы с корнем вырвать это вопрос» [13, с. 305].

Однако вскоре выяснилось, что армия не в состоянии одержать полную и безоговорочную победу над повстанцами, что постепенно способствовало осознанию правящими кругами необходимости сочетать силовые и экономические методы с проведением политики либерализации и предоставления основных гражданских прав и свобод курдам. Шедшая параллельно с вооруженной ненасильственной борьба в дозволенных политических рамках также немало способствовала началу реформ в курдском вопросе. Важным фактором воздействия на турецкое руководство в этом вопросе стала и позиция ЕС, традиционно уделяющего большое внимание обеспечению как прав меньшинств – прежде всего этнических и религиозных, так и прав человека. Именно фактор европейского воздействия в свете стремления Турции к полноправному членству в Евросоюзе и приобрел со временем решающее значение в вопросе курдского урегулирования. Например, уже президентство Т. Озала (имевшего курдские корни), впервые нарушившего табу на использование курдского языка, было отмечено робкими попытками либерализации на фоне подачи официальной заявки на членство в ЕС в 1987 г. Запрет на использование курдского языка был снят; были признаны компетенция Европейской комиссии по правам человека выслушивать индивидуальные жалобы, а также обязательная юрисдикция Европейского суда по правам человека [19, р. 51]. Однако эта попытка закончилась со смертью Т. Озала в 1993 г., и в 1995 г. использование курдского языка в правительственных учреждениях, судах и школах снова запретили.

В целом в 1990-е годы сохранялся традиционный подход к решению курдского вопроса, или, как его предпочитали классифицировать турецкие правящие круги, «проблемы терроризма», а именно силовой, отвергающий возможность переговоров с повстанцами Рабочей партии Курдистана. Незначительная либерализация (в 1994 г. нескольким тысячам поселков и деревень в местах компактного проживания курдов были возвращены исконные курдские названия) практически полностью прекрати-

лась после активизации боевых действий на юго-востоке и ряда приписываемых РПК терактов в крупных городах в начале 1990-х годов. Более того, они сменились репрессиями против умеренного крыла курдского национального движения, что только усиливало позиции «непримиримых» в курдской среде [6, с. 59–60].

В частности, в апреле 1994 г. была запрещена выступавшая за поиск мирных способов решения конфликта прокурдская Партия демократии (ПД), имевшая значительное представительство в парламенте – 13 мест; ее депутаты были лишены парламентской неприкосновенности, а некоторые из них впоследствии были осуждены на длительные сроки тюремного заключения по обвинению в «связях с террористической организацией» и «сепаратистской пропаганде» [6, с. 59]. Столь явная антидемократическая акция вызвала резко негативный отклик Запада, в первую очередь ЕС. Несмотря на то что ранее ведение военных действий против курдских повстанцев находило сочувствие и поддержку у западных стран, многие из которых (Великобритания, Германия, Франция) внесли Рабочую партию Курдистана в список террористических организаций, запрет прокурдской политической партии был расценен ими как отказ от единственной возможности перейти к политическим методам решения курдской проблемы. Именно поэтому реакция Евросоюза была достаточно жесткой и воспринята Анкарой как вмешательство во внутренние дела страны. Так, Комиссия ЕС рекомендовала на вакантные места в Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) избрать депутатов-курдов; Парламентская Ассамблея Евросоюза, осудив запрет Партии Демократии и указав на необходимость нахождения мирного решения курдской проблемы, приняла решение о направлении в Турцию своей делегации для изучения вопроса [6, с. 60].

Переломным моментом в отношении турецкой элиты к вопросу реформирования страны можно считать решение, принятое на декабрьском саммите в Хельсинки в 1999 г., когда Турция была названа в числе кандидатов на членство в ЕС. В частности, по мнению исследователя О. Вардана, именно после этого исторического решения хельсинкского саммита турецкое правительство всерьез поверило в возможность вступления страны в Евросоюз при условии выполнения Копенгагенских критериев, один из которых предусматривает наличие устойчивых демократических и правовых институтов, обеспечивающих уважение прав

человека и, в первую очередь, прав этнических меньшинств [19, р. 51].

Первые шаги на пути либерализации сделало правительство Б. Эджевита, подготовившее пакет реформ по приведению турецких реалий в соответствие с европейскими стандартами. Ряд поправок к Конституции, а также девять пакетов по гармонизации были осуществлены в период с мая 1999 по ноябрь 2002 г. (часть из них проводилась уже новым правительством Партии справедливости и развития (ПСР), пришедшим к власти в 2002 г.). Из ст. 26 и 28 Конституции были удалены ограничения на использование ранее запрещенных языков; были разрешены теле- и радиовещание на курдском, преподавание на курдском языке в частных школах; официально легализованы курдские имена; предусмотрена частичная амнистия для активистов Рабочей партии Курдистана, не замешанных в преступлениях; инициирована программа по возвращению жителей в ранее покинутые деревни и населенные пункты [17].

Несмотря на грандиозность принятых законов, их практическая реализация проходила с трудом и зачастую была далека от бумажной декларации. Например, трансляцию телепередач на курдском осуществлял центральный телеканал Турции TRT-1 в рамках серии под названием «Наше культурное богатство» (наряду с передачами на языках других малочисленных этнических групп, проживающих в стране). Радиопередачи на курдском языке были ограничены по времени – не более пяти часов в неделю, кроме того, содержание передач строго контролировалось. Еще двум телеканалам (Gün TV и Söz TV) было разрешено транслировать передачи на курдском языке четыре часа в неделю [16, р. 101]. При этом государственные СМИ Турции по-прежнему избегают словосочетания «курдский язык», предпочитая относить его к «местным диалектам».

Не лучше ситуация и в сфере образования. Некоторые частные школы открыли курсы по изучению курдского языка в 2004 г. в отдельных провинциях с преимущественно курдским населением, однако местные власти выявили ряд нарушений, что привело к закрытию этих курсов (к числу нарушений, в частности, относились несоответствие размера дверей установленному закону) [16, р. 101]. В числе аргументов турецких властей, закрывающих школы, обучающие на курдском языке, можно также встретить несоблюдение мер безопасности, отсутствие спроса и желающих обучаться, и т.д. Бюрократические процедуры, предшествующие открытию подобных курсов, порой длятся

до 18 месяцев. В общеобразовательных школах курдский язык отсутствует даже в качестве факультативного, а образование на курдском языке можно получить лишь после получения базового на турецком [10, с. 138].

Несмотря на непоследовательность и осторожность преобразований, само начало движения правительства навстречу гражданам вызвало небывалую эйфорию, подогреваемую, в свою очередь, и самим правительством. Так, например, в ходе визита в 2005 г. в Диярбакыр (неофициальную столицу турецкого Курдистана) премьер-министр и лидер Партии справедливости и развития Р. Эрдоган впервые в истории страны признал допущенные предшественниками ошибки и заявил, что «курдская проблема является проблемой каждого, и в частности моей» [16, р. 101]. Не вызывает сомнения, что обнадеживающая риторика ПСР, подкрепленная реальными действиями, в сочетании с антикурдскими выпадами оппозиционных партий (например, лидер Партии националистического действия Д. Бахчели взял в предвыборное турне веревку, призывая повесить лидера Рабочей партии Курдистана А. Оджалана) во многом определила небывалый успех Партии справедливости и развития на парламентских выборах 2007 г. именно в курдских провинциях. Так, на юго-востоке страны ПСР получила поддержку 54% избирателей, тогда как собственно прокурдская Партия демократического общества только 24% [16, р. 100–101].

Подход к решению курдского вопроса, изложенный в программе Партии справедливости и развития того времени, можно назвать действительно революционным и одновременно крайне взвешенным. В частности, предполагалось, что конец террору могут положить «политика государства, основанная на уважении основополагающих прав и свобод, а также комплексный подход к решению проблемы, при котором экономическое развитие и безопасность являются частями одного целого» [16, р. 102]. Однако приходится констатировать, что партия не смогла оправдать возложенные на нее надежды – вплоть до сегодняшнего дня ни одно положение из вышеприведенной программы реализовано не было.

Интересно, что в программе правительства, анонсированной 30 августа 2007 г., курдский вопрос был упомянут уже исключительно в контексте развития экономики и инфраструктуры, проблемы питьевой воды, в то время как политические и культурные аспекты проблемы вообще не затрагивались. Этот факт дроб-

ления курдской проблемы и акцентирования исключительно на экономических аспектах свидетельствует о преимуществах политики Партии справедливости и развития в этом вопросе. Р. Эрдоган продолжает с переменным успехом реализовывать Юго-восточный проект, положения которого впервые были сформулированы еще в 1970-х годах и в основном касались вопросов ирригации, строительства дорог и возведения ГЭС [16, р. 103–107]. Фактически ПСР так и не смогла переломить ситуацию и вплоть до сегодняшнего дня. Заявленная правительством в 2009 г. так называемая «курдская инициатива» свелась к констатации взаимозависимости между экономическим и демократическим развитием. В частности, в ходе своего выступления 13 ноября 2009 г. Р. Эрдоган призвал к более активному инвестированию в отсталые восточные и юго-восточные районы страны [5].

Подобная ограниченность подхода жестко критикуется ведущими оппозиционными партиями страны. Например, одна из основных соперниц Партии справедливости и развития на предстоящих выборах – Народно-республиканская партия – обвиняет правящую ПСР в демагогии в курдском вопросе, а также в отсутствии четкого плана и реальных действий по урегулированию данной проблемы. Особое недовольство политиков вызывает нежелание правительства внести поправки в Конституцию страны с целью устранения оснований для дискриминации курдов. Прокурдская Партия демократического общества (ПДО) выступает за изменение «расистской» 42-й статьи – за наделение курдского языка статусом второго официального или введения обучения на курдском. Кроме того, Партия демократического общества предлагает переформулировать знаменитую 66-ю статью, указав, что «каждый, кто связан узами гражданства с турецким государством, – гражданин Турции» (вместо одиозного – «турок») [11]. Заметим, что именно отказ правящей партии включить в пакет поправок к Конституции, одобренных на состоявшемся 12 сентября 2010 г. референдуме, ранее перечисленные привел к фактическому бойкоту референдума в 10 южных и юго-восточных провинциях (если средняя неявка по стране составила 22,6%, то в этих районах от 67 до 93%) [4].

За год до этого результаты выборов в местные органы власти также продемонстрировали растущее разочарование в политическом курсе правительства как в целом по стране, так и в курдских провинциях. Эксперты прогнозировали незначительный перевес Пар-

тии демократического общества над Партией справедливости и развития (около 3–4%), однако ПДО удалось одержать победу в 98 муниципалитетах, в то время как до выборов она руководила лишь 54. При этом в некоторых областях прокурдской партии удалось получить до 80% от общего числа голосов [7].

Помимо ограниченной применимости «курдской инициативы», расширение прав и свобод сопровождается серьезными откатами и сохранением дискриминационной политики по отношению к курдам в целом. Курды подвергаются преследованиям за использование родного языка, например, в ходе избирательных компаний или даже при написании поздравительных новогодних открыток. Показательным в этом отношении является начало полицейского расследования по факту использования курдского языка одним из членов Партии демократического общества в ходе предвыборной кампании в Муше – политик С. Сакык попросил принести ему стакан воды на курдском языке [16, р. 102]. В ежегодном докладе Еврокомиссии о развитии Турции от 14 октября 2009 г. отмечается, что отсутствие четкого определения понятия «терроризм» в Законе о борьбе с ним позволяет турецким правоохранительным органам использовать его на свое усмотрение. Таким образом задерживаются сотни членов прокурдской Партии демократического общества, Конфедерации профсоюзов общественных деятелей и Профсоюза работников образовательной и научной деятельности [3].

Условия содержания под стражей, давление на подсудимых, а также проблемы с предоставлением адвоката задержанным вызывают немалую обеспокоенность Евросоюза. В том же докладе Еврокомиссии отмечается, что, несмотря на то, что законодательство Турецкой Республики определяет наступление совершеннолетия с 18 лет, поправки к Анти-террористическому закону от 2006 г. позволяют рассматривать детей от 15 до 18 лет как совершеннолетних. На практике это означает, что против несовершеннолетних участников демонстраций, в первую очередь на юго-востоке страны, возбуждаются уголовные дела против «членов террористической организации», что, в свою очередь, приводит к несоразмерно продолжительным срокам заключения. При этом доказательная база зачастую строится на заявлениях полицейских; на арестованных оказывается давление, к ним не допускаются адвокаты и т.д. [14, р. 25].

Очевидным регрессом на пути демократизации, по мнению Еврокомиссии, стало закрытие в декабре 2009 г. прокурдской Партии де-

мократического общества. Это решение было единогласно принято на закрытом заседании Конституционного суда в связи с «противоречием основным конституционным нормам и поддержкой сепаратизма», несущим угрозу территориальной целостности государства. Фактически Партии демократического общества было предъявлено обвинение в «органических связях» с сепаратистами из Рабочей партии Курдистана – за день до голосования на северо-востоке страны якобы в результате атаки РПК были убиты 11 солдат [1]. В результате решения суда 37 членам Партии демократического общества было запрещено заниматься политической деятельностью в течение пяти лет, соответственно, 19 депутатов ВНСТ были лишены партийной принадлежности, а два сопредседателя партии А. Тюрк и А. Тоглук – депутатских мандатов [15, р. 7].

Примечательно, что формулировка запрета не подразумевает запрет на курдское представительство в ВНСТ. Именно благодаря этому оставшиеся депутаты, первоначально декларировавшие готовность бойкотировать работу парламента, приняли решение продолжить работу в его стенах, присоединившись к зарегистрированной под новым названием – Партия мира и демократии – прокурдской партии. Находящийся в заключении лидер Рабочей партии Курдистана А. Оджалан, до сих пор сохраняющий авторитет и значимость, также призвал курдских депутатов остаться в парламенте для того, в частности, чтобы избежать ненужной радикализации курдского вопроса [1]. Таким образом, Партия демократического общества стала уже пятой курдской партией, запрещенной в период с 1991 г. Несмотря на то что некоторые исследователи считают данное событие не более чем политической рокировкой, осуществленной для дистанцирования курдских парламентариев от террористической Рабочей партии Курдистана в общественном сознании, факт закрытия Партии демократического общества был расценен крайне негативно как курдами, так и Европейским союзом [1].

На этом фоне отмена ограничения объема частного телерадиовещания на других, кроме государственного (турецкого) языках, а также возобновившийся процесс возвращения исконных курдских названий населенным пунктам на юго-востоке страны представляется явно незначительной и недостаточной мерой [5]. Выступая на церемонии открытия канала TRT-6, созданного в рамках центрального телеканала Турции TRT с целью круглосуточного вещания на курдском языке, премьер-министр страны

Р. Эрдоган произнес несколько слов на курдском. Это выступление вызвало волну возмущения, в первую очередь, среди курдского населения – премьер-министр, несомненно, пытался дать понять, что в стране все обстоит благополучно с обеспечением основополагающих прав этнических меньшинств, в то время как запрет на использование иных языков, кроме турецкого, сохраняется. Более того, по большей части именно курдские политики подвергаются преследованию за употребление родного языка. [14, р. 28].

Рост недовольства проводимой турецким правительством политикой в курдском вопросе характерен как для этнических курдов, так и для националистически настроенных турок, что, в свою очередь, сопровождается ростом напряженности как в юго-восточных районах, так и по всей стране. Противоречия особенно обострились в 2010 г. В частности, после продолжавшейся шесть лет приостановки боевых действий против турецкой армии Рабочая партия Курдистана заявила об их возобновлении с 1 июня 2010 г. Отсутствие реальных шагов со стороны турецкого руководства по урегулированию курдской проблемы в период прекращения боевых действий привело к новому витку вооруженного противостояния, к которому турецкие силовые структуры также оказались не готовы. Большое количество жертв среди турецких военнослужащих, а также увеличение зоны активности РПК, которой на сегодняшний день удалось достичь побережья Средиземного и Черного морей, ставят под сомнение способность турецких властей «утопить террористов в собственной крови» и решить эту проблему традиционным силовым способом [2, 8].

Этнические турки также не остаются безучастными к курдскому вопросу. Массовые погромы курдов, резко участвовавшие после 2005 г. отдельные нападения на курдов и их линчевания в различных регионах Турции свидетельствуют об ухудшении внутривнутриполитической ситуации и о поляризации крупнейших этносов страны. Часто нападения маскируются под атаки на политиков курдского происхождения, однако регистрируется все больше случаев линчевания обычных граждан – например, за пение или беседу на курдском. Участниками погромов также становятся рядовые граждане турецкого происхождения – активное участие в них принимают и женщины, а зачастую и сотрудники правоохранительных органов. Антикурдские настроения широко распространены и в высших учебных заведениях Турции, в том числе и построенных по западному образцу –

только весной 2010 г. нападению подверглись десятки студентов-курдов, а сотни студентов-курдов были арестованы [9]. Отмечены случаи отказа в медицинской помощи курдам (в частности, жертвам погромов); в турецкой армии нередки случаи убийств курдских военнослужащих (и это при том, что правительство в последнее время стремится посылать на подавление Рабочей партии Курдистана именно солдат курдского происхождения).

Нередки случаи увольнения рабочих-курдов – исключительно из-за их этнической принадлежности, которая автоматически позволяет записывать их в «потенциальные террористы». Даже если этого не происходит, курдам, как правило, платят на порядок меньше, чем рабочим-туркам. Например, сезонные рабочие-курды на сборе урожая получают, наряду с цыганами и грузинами, по 22 лиры, в то время как рабочие-турки – 35 лир [9].

Реакция правоохранительных органов, а также представителей власти самого высокого уровня позволяет говорить не только о попустительстве, но и о негласном одобрении действий ультранационалистов. Характерно в данном случае нападение в апреле 2010 г. на бывшего главу прокурдской Партии демократического общества – одного из наиболее авторитетных и умеренных политиков-курдов – А. Тюрка, в результате получившего травмы лица. Напавший на него турок был вскоре освобожден, а его работодатель (владелец кафе) заявил, что он ни в коей мере не осуждает своего работника и, напротив, гордится его поступком, так как это должен был сделать «каждый турок». Более того, представители правящей Партии справедливости и развития (в том числе и сам премьер-министр) не чураются резких и дискриминационных заявлений по курдскому вопросу. Так, недавно губернатор черноморской провинции Ризе и член ПСР Х. Бакырджы, верный традиционному ассимиляторскому подходу к курдской проблеме, заявил, что ее можно будет решить уже в ближайшие 30 лет, если каждый турок возьмет себе в качестве второй жены курдянку [9]. А реплика, брошенная курдам Р. Эрдоганом в преддверии выборов 2009 г. в местные органы власти – «Или люби Турцию, или убирайся» – уже давно стала печально знаменитой [7].

Анализ истории курдского вопроса, его восприятия правящими кругами страны, основных подходов к его решению позволяет утверждать, что на протяжении всей истории страны курды воспринимались как угроза территориальной целостности государства, которое в

качестве превентивной меры проводило курс на ассимиляцию этнического меньшинства. Ответные действия курдов всегда встречали отпор – традиционная ставка на силовые методы вкупе с экономико-социальными мерами при решении проблемы до сих пор характерна для руководства страны. Прогресс в этом вопросе стал возможен, в первую очередь, благодаря позиции ЕС, жестко увязывающего нормализацию ситуации, предполагающую гарантию основных прав и свобод курдов, с вступлением Турции в эту организацию. Несмотря на отдельные шаги, предпринятые турецким руководством в этом направлении в последнее десятилетие, коренного перелома на данный момент добиться так и не удалось – правящие круги ограничиваются полумерами, опасаясь, что требования курдов могут пойти слишком далеко; курды же, в свою очередь, не готовы смириться с тем, что их основополагающие права будут ограничены лишь сферой бытового общения. Необходимость кардинальных реформ в курдском вопросе и их отсутствие приводят к поляризации общества по этническому признаку. Сильные националистические настроения, десятилетиями культивировавшиеся в стране, делают дальнейшую либерализацию в курдском вопросе заведомо непопулярной в глазах турецкого большинства, что серьезно ограничивает правительство в возможностях маневрирования. В подобной ситуации для решения вопроса потребуется политическая воля руководства страны, которое находится между двух противоборствующих лагерей и не решается открыто принять сторону одного из них. Все это позволяет говорить о том, что предоставление курдскому меньшинству прав и свобод – дело отнюдь не ближайшего будущего.

Литература

1. Вертяев К.В. Запрет прокурдской партии в Турции: шаг назад или политическая рокировка? / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 02.11.10).
2. Гаджиев А.Г. К вопросу о внутривнутриполитической ситуации в Турции / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 02.11.10).
3. Гаджиев А.Г. Курдский вопрос в свете очередного ежегодного доклада Еврокомиссии о развитии Турции / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 02.11.10).

4. Гурьев А.А. Ситуация в Турции: сентябрь – октябрь 2010 г. / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 02.11.10).
5. Гурьев А.А. Ситуация в Турции: ноябрь 2009 г. / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 02.11.10).
6. Кунаков В.В. Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 1999.
7. Мосаки Н. Итоги местных выборов в Турции: курдский фактор. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 02.11.10).
8. Мосаки Н.З. О курдской проблеме в Турции / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 02.11.10).
9. Мосаки Н.З. Турция: обострение турецко-курдских межэтнических отношений / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 02.11.10).
10. Набиева А.Р. Курдская проблема в свете интеграции Турции в ЕС / Институт Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН. Современная Турция: проблемы и решения. М., 2006. С. 133–142.
11. Свистунова И.А. «Курдская инициатива» правительства Турции / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 02.11.10).
12. Турецкая Республика: справочник. М.: Наука, 1990.
13. Турция между Европой и Азией. М.: Крафт+, 2001.
14. Turkey 2009 Progress Report. Brussels: European Commission, 14 October 2009.
15. Turkey 2010 Progress Report. Brussels: European Commission, 9 November 2010.
16. Güzeldere E. Was There, is There, will There be a Kurdish Plan? // Turkish Policy Quarterly. 2008. Vol. 7. No. 1. P. 99–110.
17. Gresh G., Chorev M. Turkish-Kurdish Reconciliation: Promise and Peril // Turkish Policy Quarterly. 2006. Vol. 5. No. 3.
18. The Constitution of the Republic of Turkey // Office of the Prime Minister, Directorate General of Press and Information. URL: <http://www.byegm.gov.tr/sayfa.aspx?Id=78> (date of access: 21.01.2011).
19. Vardan Ö. Turkey-EU Relations and Democracy in Turkey: Problems and Prospects // Turkish Policy Quarterly. 2009. Vol. 8. No. 1. P. 49–57.